

Вадим Кожевников.
«Корни и крона». Роман.
Часть первая. Журнал
«Знамя», №№ 9, 10, 1981.

РЕЦЕНЗИИ

ЛЮДИ ВОЗВЫШЕННОЙ ДУШИ

ДА ЧТО они, святые, эти Должиковы?.. Вот как о них отзываются окружающие их люди.

— Они все, Должиковы, со странностями; балерины сохраняют силы только для сцены, так и они для цеха, чтобы там себя во всей красе выказать.

— Должиковы, они все такие. Все куда-нибудь выбраны, где-нибудь состоят, за кого-нибудь хлопочут, кому-нибудь помогают, шумят, волнуются, пишут в инстанции, и всегда кого-нибудь из Должиковых после смены дожидается то один, то другой — по своему личному делу, словно они не рабочие, а начальники.

— ...Вам, Должиковым, такое ваше положение среди людей и в тягость бывает. Вы желаете быть как все люди. А вас вроде как общественным достоянием считают. Или как в ОТК — эталоном, по которому все поступающие детали проверяют».

Жить рядом с ними бывает тяжело. Они предельно строги к себе. Так, слесарь-механик высшей квалификации Геннадий Семенович, став начальником цеха, сначала перестал уезжать на охоту, потом ограничил себя рыбалкой, затем перешел в грибки, но и от этого отказался. Стал экономить время для работы, для новых своих обязанностей. За все годы он ни разу не бюллетенил. Здоровье берег не из желания стать должжителем, а из строгого расчета, согласно которому при хорошем здоровье и работаете хорошо.

Им до всего есть дело, даже до того, что вроде бы их не касается. Вот зашел пенсионер Семен Фомич к своему приятелю в тот момент, когда там шашбашников угощали за быстрый ремонт квартиры, проверил Должиков, конечно, качество работы и признал: халтура. Еще больше огорчился, узнав в бригадире шашбашников своего знакомого, который подбил на это дело молодых ребят, портит их наплевательским отношением к делу. Так огорчился, что в больницу угодил.

Они во все вникают, как, на-

пример, еще один Должиков — Марат Васильевич, который своим рабочим местом считал не только весь участок, где работали фрезеровщики, но и весь цех. Он воюет с начальником цеха, который не пускает молодых парней со среднетехническим образованием к современной технике, заставляя их работать на допотопных станках. От директора он требует скорейшего решения заводских вопросов через глав, министерство, ЦК.

Таковы Должиковы. Да и не только они. В новом, еще не оконченном романе Вадима Кожевникова перед читателями проходит целая вереница рабочих, инженеров, руководителей. И многие из них — максималисты. Новые герои писателя как бы говорят: время высоких понятий не кануло в Лету вместе с яростным романтическим временем революции, оно продолжается, оно живет в тех, кто сегодня варит сталь, прокладывает дороги, возводит гиганты индустрии.

Да, иные черты героев Вадима Кожевникова кажутся увеличенными, но так, пожалуй, и должно быть в искусстве, так ярче выявляется авторский замысел. Герои живут безоглядной любовью к своему заводу, ими владеет всепоглощающая страсть к своему делу, для них характерен бесконечный поиск правды, справедливости, революционного преоб-

разования. Для многих из них существует не работа, а жизнь в работе. Они искренне убеждены: мера всему — человек, а человека мерить надо по его отношению к людям, к своему труду и труду других.

Герои нового романа не удовлетворены организацией производства. Почему одни ходят в передовиках, другие — в отстающих, а третьи лишь только-только норму выполняют? Конечно, люди-то разные, но дело-то общее. А получается, будто каждый лишь за себя в ответе. Они ратуют за комплексные бригады, работающие по единому наряду.

Должиковы и их товарищи размышляют о качестве работы. Они убеждены: качество — это категория не только производственная, но и в широком своем смысле глубоко человеческая. Они твердо считают: заводской коллектив отвечает не только за качество продукции, но и за качество людей тоже. Поэтому так много внимания они уделяют молодежи, ученикам. И особенно ценят не тех, кто просто достиг пределов мастерства, а тех, у кого есть высокая потребность мастерство свое размножить в других, — ведь для этого надо иметь и щедрую душу, и большой ум.

Духовный масштаб личности героев проявляется и в том, как они относятся к идее освоения заводом новой продукции. Комиссия главка, прибывшая на завод, чтобы обследовать оборудование, пришла к выводу: при такой технике невозможно достичь высшей точности обработки, потребной для изготовления деталей нового мощного двигателя, тем более, что у завода есть напрядженный план по выпуску двигателей повышенного спроса. Это официальное мнение, но руководство завода, коллектив его уверены в другом: мож-

но совершить чудо, ибо люди, то товарищество, что сложились на заводе, могут больше, чем техника. Для этого предстоит перестроить управление заводом, его службами. Будет трудно, но новый мотор — это мотор будущего века, а все мы, работая сегодня, трудимся для грядущего, приближаем его.

Роман еще не окончен, и трудно судить о нем в целом. Но уже сейчас можно сказать, что автор берет для исследования чрезвычайно горячий, новый материал. В «Корнях и кроне» проявляются лучшие черты творческого метода Вадима Кожевникова — открыто публицистическая манера письма, атакующий стиль. Авторские описания предельно сжаты, эта сжатость следствие емкости мысли, бережного, любовного отношения к слову. Характеры героев раскрываются, как правило, в диалогах, при этом постоянно ощущается авторская интонация, его взгляд на человека, на ту или иную проблему. Писатель пристрастен к своим героям, искренен в своем к ним отношении. Он любит вникать в мельчайшие детали их профессии, причем чувствует здесь себя уверенно. Читателю сразу становится ясна острота художнического взгляда, мера проникновения в жизнь.

В. Кожевников стремится брать жизнь широко, в каждом произведении, по словам писателя, его интересует современный советский человек, причем человек рядовой, обычный, «массовый», его мировоззрение, психология, система ценностей, его достоинства и слабости, его противоречия и зреющие в нем приметы будущего.

Роман «Корни и крона» — еще одно тому свидетельство.

Александр ЕГОРУНИН